

Евгений
Лукин

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

Евгений Лукин

**Грехи наши
тяжкие**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Л84

Серия «Звездный лабиринт»

Компьютерный дизайн Г.В. Смирновой

Лукин, Евгений.

Л84 Грехи наши тяжкие : [сборник] / Евгений Лукин. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 978-5-17-097479-5

Каждый раз, открывая очередной сборник Евгения Лукина, читатель предвкушает увлекательное путешествие в неизведанные миры. И путешествие тем интереснее, что миры эти находятся буквально на расстоянии вытянутой руки. Это наше вероятное будущее. Это наше гротескное настоящее.

Лукину, как никакому другому автору, удастся удивить и заинтересовать читателя с помощью обычной магии слова «если».

Что, если собрать в одном городе-государстве весь крими-нальный мир?

Что, если объявить беспощадную войну пришельцам из будущего и самому этому будущему?

Что, если гаджеты-шпионы проникнут в жизнь каждого человека и ни одну секунду частной жизни невозможно будет скрыть от окружающих?

Читайте — и переживайте вместе с автором.

Читайте — и задумывайтесь.

Читайте — и наслаждайтесь!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Е.Ю. Лукин, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ГРЕХИ НАШИ ТЯЖКИЕ

Вся рожа наруже.

В.И. Даль

Погожим майским утром в редакции культуры муниципального телевидения прозвучал телефонный звонок. Мстислав Оборышев снял трубку.

— Мстиша... — недовольным голосом известил Авенир Аркадьич. — Тут к тебе сейчас направляется... э-э... человек...

— Надо же! — не преминул съязвить ядовитый Оборышев. — Кого к нам только не заносит... И как мне с ним поступить?

— Н-ну... не знаю, — замялся Авенир, что вообще-то было ему не свойственно. — Выслушай... а там сам решай... Может, в курьёзы воткнёшь...

Похоже, несмотря на неусыпную бдительность железной Аси, в здание проник некто неадекватный. А по давней и тем не менее отвратительной традиции принято было сплавлять таковых либо в редакцию культуры, либо в редакцию науки. Это, конечно, в случае тихого помешательства. В случае буйного приглашали охранников.

Вскоре послышался деликатный стук в дверь.

— Войдите.

Вошёл незнакомец, при первом взгляде на которого Мстиша чуть отстранился и брезгливо прищурился. Красивые мужчины вызывали в нём не меньшее омерзение, чем умные женщины. И то, и другое в понимании Оборышева являлось верхом неприличия.

Так вот, вошедший был неприлично хорош собой.

— Присаживайтесь, — справившись с неприязнью, прокрипел Мстиша. — И представьтесь заодно.

Тот поблагодарил и сел. Красавец. Хорошо хоть не красавчик — черты лица крупные, мужественные. Другая подробность, отчасти обелявшая пришельца в глазах Оборышева, — на диво небрежный прикид. Чувствовалось, что одёжку свою посетитель приобретал давно и явно не в бутиках.

— Вождедея, — сказал он.

Мстиша приподнял брови.

— Чего-чего делаёте?

— Вождедея, — виновато повторил тот. — Это моя фамилия. Егор Трофимович Вождедея. Вот... — Он достал и раскрыл паспорт.

Оборышев бросил беглый взгляд и вдруг, заинтересовавшись, взял документ в руки. Лицо на фото было то же самое, но отталкивающе безобразное. Надо полагать, Егор Трофимович расплачивался за свою вызывающую красоту полным отсутствием фотогеничности. Вспомнились строки Достоевского: «Фотографические снимки чрезвычайно редко выходят похожими, и это понятно: сам оригинал, то есть каждый из нас, чрезвычайно редко бывает похож на себя».

— Так что вы мне хотели сообщить, Егор Трофимович? — спросил Мстиша, возвращая паспорт владельцу.

— Мне надо выступить на телевидении, — сказал тот.

— По какому поводу?

— По поводу того, что со мной случилось... Это очень важно, поверьте...

— Верю. — Мстиша кивнул. — И что же с вами случилось?

— Вчера ночью, — известил пришелец, — мне был голос...

«Охрану, что ли, сразу вызвать? — вяло прикинул Мстиша. — Да нет, пожалуй, не стоит... Вроде смирный...»

— И по этому поводу вы хотите...

— Да.

— Это не так просто, как вам кажется, — с сожалением глядя на помешавшегося красавца, заметил Мстиша. — Вот вы говорите, голос. Чей голос?

— Н-ну... я полагаю... — Посетитель с трепетом взглянул в потолок, отчего стал ещё прекраснее.

— Вы верующий?

— Да, — истово сказал он. — С сегодняшнего дня. Точнее, со вчерашней ночи...

— И сразу направились к нам?

— Н-ну... как видите...

— А у батюшки были?

— У батюшки?..

— Вам был голос, — напомнил Мстиша. — Голос, насколько я вас понял, принадлежал Богу... Так?

— Так.

— Логично было бы обратиться к специалисту... А вы сразу на телевидение. Что Он вам сказал, если не секрет? Открыл истину?

— Ну, в общем... Да. Открыл.

— И велел поведать её остальным? Урби, так сказать, эт орби? Градам и весям...

— Да. Велел.

— Ну и, естественно, — уже с откровенной скукой продолжал Мстиша, — именно вам предстоит стать во главе нового учения...

— Нет.

Оборышев моргнул.

— Как «нет»? — не поверил он.

— Так «нет». Просто сообщить — и всё...

Мстиша озадаченно потёр ладонью подбородок.

— Хорошо! Вы можете в двух словах изложить сейчас эту вашу истину?

— Конечно. Он сказал... — Прекрасные глаза пришельца слегка затуманились. — Отныне...

— Простите, — уточнил въедливый Мстиша. — Отныне — это когда?

— Ну... с того момента, как человек услышит от кого-нибудь... узнает...

— Понял. Извините, что перебил. Продолжайте.

— Отныне, — провозгласил новоявленный пророк, — телесная красота будет соответствовать красоте духовной...

Мстиша Оборышев приоткрыл рот и медленно откинулся в потёртом своём полукресле, влюблённо глядя на посетителя. Ка-кая прелесть!

— А дайте-ка ещё раз паспорт!

Взял, раскрыл, вновь сличил лицо с фотографией.

— Таким я был несколько лет назад... — вроде бы застенчившись, пояснил Егор Трофимович. — И вчера ещё был...

— К батюшке! — решительно сказал Мстиша и встал. — К батюшке, к батюшке, к батюшке! Всё настолько серьёзно, что без благословения иерархов я просто не имею права... Вот ваш паспорт, давайте пропуск, сейчас я его подпишу... А сами — срочно в церковь! Слышите? Срочно! Чем быстрее вы это сделаете, тем быстрее мы с вами выйдем в эфир...

— Да, но...

— Никаких «но», Егор Трофимович, никаких «но»! Жду вас с благословением от наших пастырей...

Мягко, но опять-таки решительно выставив обескураженного красавца за дверь, Мстиша выждал секунд двадцать и снял трубку.

— Ася?.. Это Оборышев. Редакция культуры... Знаю, что знаешь!.. Вождедю Егора Трофимовича... Это фамилия! Так вот, Вождедю Егора Трофимовича (он сейчас выйдет) больше на территорию не пускать! Ни при каких обстоятельствах! И сменщицам тоже передай... Вождедю Егор Трофимович. Вож-де-ле-я... Записала? Ну и славно...

Отдуваясь, бросил трубку, достал сигареты. Двинулся к двери (курить полагалось только снаружи, у чёрного хода), глянул мельком в зеркало — и чуть не споткнулся. Не веря глазам, подошёл поближе, всмотрелся. Вроде бы черты лица остались прежними, но... Нет, красавцем себя Мстиша никогда не считал. Да и никто его таковым не считал! Однако более гнусного отражения Оборышеву видеть ещё не доводилось.

Минуту, не меньше, он цепенел, глядя в собственные нагло-вручие глаза, затем уронил курительные принадлежности и снова кинулся к телефону.

— Ася?.. Ещё не выходил Вождедю?.. Нет?! Всё отменяется, Ася! Верни его! Слышишь? Верни!

* * *

— Вызывали? — Надменная статная Акулина Истомина вторглась в кабинет Авенира Аркадьича без стука. Впрочем, подобным образом она вторгалась в любой кабинет, разве что за исключением председательского.

Поступью топ-модели, с презрительным видом вихляя челюстью, плечами и бёдрами, приблизилась к столу, затем вскинула глаза — и приостановилась, слегка озадаченная.

— Сколько ж вы вчера выпили? — недоверчиво спросила она.

Мужчины (в кабинете их было двое) судорожно сглотнули и переглянулись. Ну ладно, скукоженное личико Авенира Аркадьича и раньше состояло большей частью из морщин, в которых, казалось, гнездились все пороки мира, но вот Оборышев... Пару секунд Акулина зачарованно вникала в странно искажившиеся черты своего давнего друга и любовника, потом, словно бы в поисках эталона, перевела взгляд на висящий позади стола портрет.

По сравнению с коллегами Президент показался ей душкой.

— Тут, собственно... — промямлил наконец Авенир и беспомощно обернулся к Оборышеву. — Мстиша...

Тот шумно выдохнул и с силой отёр ладонью лицо, отчего оно, Впрочем, ничуть не похорошело.

— Значит, так, — решительно сказал он. — Псих пришёл. Вот думаем, не воткнуть ли его в «загранку»...

— Ну и втыкайте. Я-то при чём?

— Посоветоваться хотели...

— Прости, не поняла. Что за псих?

— Боговидец, — напряжённо пояснил Оборышев. — Точнее, богослыщец. Утверждает, что с сегодняшнего числа внешность человека будет соответствовать его моральному облику...

При этих словах оба мужчины так и впилась глазами в Акулину. Известие, однако, особого впечатления не произвело — скорчила пренебрежительную гримасу, вскинула плечи.

— Нет, господа, вы точно вчера перебрали! Какое я имею отношение к вашим психам?

— Что посоветуешь?

— Похмелиться, блин!

Мужчины сглотнули вновь. Было уже ясно, что гримаса, исковеркавшая черты надменной Акулины, останется с ней навсегда. Равно как и окривевшие плечи.

* * *

Узнав, что его собираются воткнуть именно в курьёзы (официально рубрика называлась «За гранью культуры»), Егор Трофимович Вожделя несколько не обиделся.

— Это всё равно, — кротко молвил он. — Главное, чтобы услышали.

Справедливо рассудив, что терять ему уже нечего, краткую беседу с божьим человеком провёл перед камерой сам Мстислав Оборышев. Вопросы в основном задавал натужно-игривые, внутренне обмирая при мысли о том, как он с нынешней своей рожей будет смотреться на экране.

Акулина Истомина рыдала в гримёрной.

Переснимать не пришлось. Внезапно подурневшая Маня, ассистент режиссёра, дала отмашку — и дамский любимчик Рудик отнял от окуляра ошеломительно мерзкую харю прожжённого альфонса и сутенёра. Обезумевшим взглядом Мстиша Оборышев обвёл присутствующих. Каких-нибудь пять минут назад все они выглядели вполне прилично, даже обаятельно. Теперь это была кунсткамера.

— Спасибо! — выпалил он, вскакивая. — У меня к вам, Егор Трофимович, ещё пара вопросов наедине... если позволите...

Выволок за рукав растерявшегося Вожделя в коридор, и следует сказать, очень вовремя, потому что из студии послышались уже первые вскрики.

— Так, — хрипло сказал Мстиша. — Вот ваш пропуск — и быстро на проходную!

— Но...

— Нигде не задерживайтесь! И вообще мой вам совет: на люди не показываться. Хотя бы пару дней... Да! Передача — в шесть тридцать по местному времени. Вообще-то в шесть ровно, но пока дело дойдёт до «загранки»... Шестнадцать! Не пропустите...

Глаза его внезапно стали незрячи, и он снова оцепенел, представив, что стрясётся с телезрителями в эти самые шесть часов тридцать минут, когда истина безвозвратно уйдёт в эфир.

* * *

Домой Мстиша вернулся к восьми, изрядно выпив для храбрости. Несмотря на многочисленные заходы налево, жену свою он любил и со страхом гадал заранее, какая гарпия предстанет его глазам. Внешность у Светы, следует заметить, была самая невзрачная: серая мышка, воробышек. Что же с ней будет теперь? Акулину-то вон как перекивило!

Ключ упорно не желал вставляться в прорезь замка. Наконец хозяйка, не выдержав, открыла дверь сама — и трудно даже сказать, кто из супругов был поражён в большей степени. Вне всякого сомнения, передачу Светлана посмотреть успела, ибо перед Мстишей возникла на пороге маленькая хрупкая женщина ангельской красоты. Оборышев протрезвел от ужаса. Он почувствовал себя раздетым донага. Все его обманы, измены и заначки были теперь оттиснуты на физиономии и в комментариях не нуждались.

Пауза длилась и длилась.

— Боже... — с жалостью глядя на мужа, выдохнула волшеббно похорошевшая Света. — Бедняжка ты мой... Сколько же вам приходится врать на этом своём телевидении!..

Трудно сказать, откуда и зачем берутся на белом свете порядочные люди, если их появлению естественный отбор, мягко говоря, не способствует. Но вот берутся откуда-то и даже иногда умудряются дожить до совершеннолетия, а то и до преклонных лет, хотя одному богу известно, чего им это стоит. Порядочный человек — публичная пощёчина обществу. Своим поведением он как бы опускает окружающих,

напоминая им о том, кто они такие. Думается, именно поэтому Христос завещал творить добро втихомолку и ни в коем случае не напоказ. Иначе пришибут.

Естественно, что, стоило слынуть первому потрясению, Оборышев почувствовал себя оскорблённым. Нет, но как вам это понравится: опять он весь в экскрементах, а она вся в белом! А уж наивное восклицание Светы и вовсе уязвило до глубины души. К счастью, Мстише хватило ума обиды своей не выдать и покорно испить горькую чашу до дна.

Светлана утешала мужа весь вечер, так что в конце концов он чуть ли не сам уверовал, будто поразившее его безобразье вызвано скорее профессиональными, нежели бытовыми проступками.

На следующее утро позвонил Авениру, сказался больным. Телефон отключил. Пил и смотрел телевизор. Вчерашний сюжет муниципалка прокрутила трижды. В полдень благолепный Вождедя и неподобный Оборышев возникли в столичных новостях.

А ближе к вечеру за Мстишей пришли.

* * *

Визитёров пожаловало двое, оба в штатском. Судя по их обличью, с истиной они тоже ознакомились: у той страхолюдины, что повыше, были глаза маньяка и рот садиста; у той, что пониже и потолще, — жабья физия похабника и сластолюбца.

Слава богу, Светлана к тому времени ещё не вернулась с работы.

— Как же это вы? — посетовал маньяк и садист, устремляя на Оборышева ласковый взор и словно бы видя уже себе-седника в пыточной камере. — Опытный вроде работник — и так подставились...

Голос его показался знакомым.

«Подставился?.. — жёлчно подумал Мстиша. — Нет, ребята, не подставился — это я вас всех подставил! А то что ж мне, одному пропадать?..»

— В суд на вас подают.

— Кто?

— Вам всех перечислить?

— А-а... по какой статье?

— Да мало ли! За нанесение ущерба деловой репутации, за причинение вреда здоровью, за оскорбление чувств верующих...

Похабник и сластолюбец помалкивал с матерным выражением лица. Садист продолжал:

— Где вы раскопали вообще этого вашего Вожделею?

— Нигде. Сам пришёл.

— Но кто-то же его к вам направил?

— Авенир Аркадьич. Посоветовал воткнуть в курьёзы...

— Вот как? — Двое переглянулись. — Ну, с Авениром Аркадьичем разговор будет отдельный. А вот вы...

— А что я?

— Нет, но предварительную-то беседу вы с Вожделей проводили? И что же, не заметили после этого изменений в собственной внешности?

— Знаете... в зеркало я смотрюсь редко...

— Не свисти! — неожиданно посоветовал похабник и сластолюбец. — В зеркало он не смотрится! А в гримёрке?

— Даже и в гримёрке! Нет, ну... заметил, конечно, что скверно выгляжу...

Заврался, запутался, приуныл.

— Шуму много? — спросил он в тоске.

— Не то слово! С двенадцати часов народ как с цепи сорвался. Уровень преступности в два раза сиганул...

— Почему? — Мстиша оторопел.

— Красивых бьют.

— За что?!

— За то, что красивые!

Судорожным движением Оборышев выхватил сотовый телефон, но был пойман за руку.

— Кому?

— Жене!

— Она что? Тоже...

— Да!

Хватка разжалась. Связаться со Светой, впрочем, не удалось — шли короткие гудки. Застонав, Мстиша спрятал сотик.

- Собирайтесь, — сказали ему.
— Куда?
— К ответу, — исторг садист, осквернив и без того циничную мордень кошунственной ухмылкой. — Крови вашей жаждут...
- Ну да, конечно... — окончательно угасая, горестно помыслил вслух Мстиша. — Политики... бизнесмены...
- Политики? Бизнесмены? — хмыкнул маньяк. — Бизнесмены — это ещё полбеды. Да и политики тоже: как были уроды — так уродами и остались. А вот жёны олигархов...
- Ох-х... — болезненно выдохнул Оборышев.
- Вот именно, — мрачно подтвердил собеседник.

* * *

Привезли Мстишу отнюдь не в полицию, как он ожидал, и даже не в ФСБ, а напрямик в областную Думу. В небольшом зале с идеологически выдержанной потолочной лепниной собрались жаждавшие крови Оборышева. Поваяло картинами Босха, в частности — «Несением креста». Утешало лишь то, что за овальным столом не восседало ни единой разгневанной мегеры — сплошь мужской пол. Надо полагать, жёны олигархов, не решаясь теперь показаться в свет, взамен прислали своих адвокатов, мерзости чьих образин давно уже ничто не могло повредить.

— Вот, пожалуйста, — сказал конвоир, придерживая Мстишу за локоток. — Первый виновник, прошу любить и жаловать...

И началось беснование. Все вскинулись, все обрушились с угрозами, самой мягкой из которых было увольнение. Оборышев только успевал облизываться да озираться.

Наконец главный Квазимодо, подозрительно смахивавший на губернатора, треснул ладонью по столу — и всё смолкло.

— Как такое, понимаешь, могло случиться? — мёртвым голосом осведомился он в мёртвой же тишине.

Ну точно — губернатор.

Пришлось поведать историю с самого начала, по возможности перекладывая ответственность на плечи отсутствующего здесь Авенира Аркадьича. Поначалу Мстише казалось, что участников пандемониума, обсевших овальный стол, он видит впервые, однако мало-помалу из жутких личин начинали вытаивать знакомые черты. Вскоре он угадал почти всех. Элита. Побитый градом цвет общества.

— И как теперь, понимаешь, быть? — угрюмо осведомился главный Квазимодо, дослушав Оборышева.

Тот заискивающе улыбнулся и беспомощно развёл руками. Губернатор засопел.

— Как шкодить, — ворчливо упрекнул он, — так все, понимаешь, горазды, а как отвечать, так, понимаешь... Что скажешь, Олег Аскольдыч?

И посмотрел на садиста и маньяка. Оборышев вздрогнул и тоже уставился. Олег Аскольдович? Ни-че-го себе! Вот это его перековеркало...

— Я связался с нашей епархией, — сухо доложил тот. — Владыка тоже склоняется к мысли, что нас постигла Божья кара...

— Кого? Меня? — взревели за столом. — Ты за базаром-то — следи! Знаешь, сколько я на храм пожертвовал?

Взревевшего одёрнули.

— У меня создалось впечатление, — как ни в чём не бывало продолжал Олег Аскольдыч, — что владыка совершенно спокоен...

— Да я думаю! — фыркнули за столом. — Им-то чего беспокоиться? У них вон бороды от самых глаз — поди различи, что у них там под бородами!

Одёрнули и этого.

— Что касается учёной братии, тут полный разброд во мнениях. Психотропное оружие, гипнотическое внушение, кодовые слова... Ну и так далее.

— Погоди, Олег Аскольдыч, погоди! А этот... Вождедея! Он-то сам что говорит?

— Ничего. В данный момент Егор Трофимович Вождедея находится в отделении реанимации. Больничный комплекс, травматология.